

На правах рукописи

ЮЙХАНЬ

«МЯГКАЯ СИЛА» КНР В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Специальность 5.5.4. Международные отношения, глобальные и
региональные исследования

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата политических наук

Москва 2026

Работа выполнена на кафедре публичной политики и истории государства и права Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Научный руководитель

Попов Сергей Иванович

кандидат политических наук, доцент кафедры публичной политики и истории государства и права Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Официальные оппоненты

Наумов Александр Олегович

доктор исторических наук, профессор кафедры международных организаций и проблем глобального управления факультета государственного управления Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»

Песцов Сергей Константинович

доктор политических наук, заведующий отделом международных отношений, главный научный сотрудник Федерального государственного автономного учреждения науки «Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук»

Ведущая организация

Центр Центральноазиатских исследований Федерального государственного автономного учреждения науки «Институт Китая и современной Азии Российской академии наук»

Защита состоится 3 марта 2026 г. в 13.00 часов на заседании Диссертационного совета ПДС 1000.007 при ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» по адресу: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.10, к. 2, ауд. 415.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться:

1. На сайте Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы: <https://www.rudn.ru/science/dissovet/dissertacionnye-sovety/pds-1000007>

2. В информационно-научном библиотечном центре (Научной библиотеке) Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Автореферат размещен на сайте Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации: <https://vak.minobrnauki.gov.ru>

Автореферат разослан 2 февраля 2026 г.

Ученый секретарь ПДС 1000.007

кандидат политических наук, доцент

Д.Б. Казаринова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Актуальность темы. Трансформация современного геополитического ландшафта свидетельствует о возрастающей роли Азиатско-Тихоокеанского региона (далее АТР), в котором концентрируется преобладающая доля мировых хозяйственных связей. Одной из ключевых политических и экономических доминант АТР является Китайская Народная Республика, интенсивное экономическое развитие которой в последние десятилетия позволило стране занять лидирующие позиции во многих отраслях мирохозяйственной системы.

Упрочнение геополитических позиций ключевых политических игроков в регионе напрямую связано с их способностью к надлежащему и эффективному применению средств внешнеполитического воздействия, не связанному с принуждением или насилием. Совокупность инструментов внешней политики государства, предполагающих ненасильственное воздействие на поведение других политических акторов, принято рассматривать в рамках концепции «мягкой силы», популярность которой в политической науке в последние годы свидетельствует о востребованности данной темы для исследования.

Обращение к исследовательскому вопросу, касающемуся реализации политики «мягкой силы» современного Китая имеет актуальность как в теоретическом, так и в практическом отношении. Перед учеными стоит необходимость научно-теоретических исследований политики «мягкой силы» Китая в АТР, которая претерпела значительные изменения в последние десятилетия. Усиление позиций Китая в современной мирополитической системе является характерным признаком транзита системы международных отношений от однополярного к полицентрическому мироустройству. В связи с этим «мягкая сила» Китая выступает элементом более объемной проблематики анализа мирового политического процесса. С практической точки зрения следует отметить несомненный прикладной характер исследования политики «мягкой силы» Китая в АТР с точки зрения

потенциала модификации инструментов внешнеполитического воздействия РФ, для которой политика «Поворот на Восток» стала самой масштабной переориентацией международных связей в последние годы. Интенсификация межгосударственного сотрудничества России и Китая в условиях обострившейся геополитической ситуации свидетельствует как о существенном значении АТР для будущего развития российского государства, так и необходимости обосновать использование инструментов политики «мягкой силы» для укрепления геополитических позиций РФ с научной и теоретической точки зрения.

Таким образом, растущий интерес к исследованию политики «мягкой силы» Китая в АТР, а также ее практическая значимость обуславливают актуальность и своевременность изучения данной темы. Современная научная литература, несмотря на широкое распространение концепта «мягкой силы», по-прежнему демонстрирует неоднородность подходов к его применению в анализе региональных процессов. Особенно это проявляется в отношении Китая, чья стратегия мягкого влияния в АТР часто интерпретируется либо как продолжение жёсткой геополитики и инструмент экспансии, либо как исключительно культурная экспансия без учёта институционального аспекта. Отсутствие единой методологии оценки эффективности «мягкой силы», слабая проработка механизмов взаимодействия с локальными актёрами, а также конкуренция моделей влияния в регионе формируют проблемное поле исследования. В этих условиях выявление специфики и механизмов реализации «мягкой силы» Китая требует комплексного и критического переосмысления теоретических оснований и эмпирических проявлений данного явления.

Степень разработанности темы. С момента популяризации вопросов, связанных с «мягкой силой» современных государств, появилось достаточное количество работ, в той или иной мере затрагивающих обозначенную тему и раскрывающих отдельные аспекты. Несмотря на то, что некоторые исследования косвенно затрагивают реализацию «мягкой

силы» Китая в АТР, они делают это фрагментарно, не обеспечивая целостного понимания этого вопроса.

Концепция «мягкой силы», предложенная Джозефом Наем в 1990 году, стала одним из центральных понятий в современной теории международных отношений. «Мягкая сила» определяется как способность государства или международного актора влиять на поведение других акторов посредством привлекательности своей культуры, ценностей и политики. Концепция «мягкой силы» получила широкое признание и стала предметом многочисленных исследований. Об этом свидетельствует растущее количество монографий, диссертаций, статей посвященных данной теме. Более того, тематику данных исследований можно разделить на две основные группы. Во-первых, это работы, посвященные «мягкой силе» как внешнеполитической концепции. В этих исследованиях изучается теоретическая основа концепции «мягкой силы», ее историческое развитие и применение в современной международной политике. Во-вторых, это работы посвященные «мягкой силе» как инструменту влияния международных акторов. В этих исследованиях рассматривается использование «мягкой силы» конкретными государствами или международными организациями для достижения своих внешнеполитических целей. Большой вклад в понимание этой важной концепции и ее роли в международных отношениях внесли такие ученые, как А.Р. Манукян, В.В. Кочетков и Е.Н. Грачиков, В.М. Капицын, Л.Р. Рустамова, М.М. Лебедева, М.П. Шабалов, О.В. Красина, С.А. Бондаренко, С.К. Песцов и А.М. Бобыло, Т.В. Бугайчук, Я.М. Ахмадеева¹.

¹ Манукян А.Р. Роль образования в "мягкой силе" современного государства // Социально - гуманитарные знания. 2023. № 3. С. 133-137.; Кочетков В.В., Грачиков Е.Н. Идентичность как источник мягкой силы Китая // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. № 3. С. 40-62.; Капицын В.М. Космополитизм - компонент "Мягкой силы" и глобального управления // Обозреватель. 2009. № 10 (237). С. 70-79.; Рустамова Л. Трансформация "мягкой силы" и конфликтогенность в международных отношениях // Пути к миру и безопасности. 2024. № 1 (66). С.150-168.; Лебедева М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 47-55.; Шабалов М.П. «Мягкая сила» в современной геополитике // Стратегические приоритеты. 2015. № 1 (5). С. 48-59.; Красина О.В. "Мягкая сила" как теоретическая конструкция и властная технология современной мировой политики. – Москва: Изд-во Современного гуманитарного ун-та, 2011. С.139.; Бондаренко С.А. Культурная дипломатия как инструмент мягкой силы и проводник национальных ценностей России // Тенденции развития науки и образования. 2018. № 37-4. С. 48-50.; Песцов С.К. Бобыло А.М. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2(34). С. 108-114.;

Отдельное внимание исследователями уделяется изучению концепции «мягкой силы» с китайской спецификой. Наибольший интерес представляют работы российских авторов, посвященные анализу отдельных инструментов политики «мягкой силы» Китая: А.В. Бояркина, А.О. Виноградов, А.С. Сельницын, А.С. Пятачкова, В.С. Рубина, И.А. Андреев, И.Е. Денисов и И.Ю. Зуенко, М.Л. Титаренко, О.В. Зиневич и Н.В. Селезнева, Н.Н. Бехтева, С.В. Михневич².

Также имеются несколько исследований, посвященных анализу отдельных инструментов политики «мягкой силы» Китая. Особое внимание учеными уделяется именно рассмотрению таких инструментов «мягкой силы», как образования, язык, СМИ, спорт, экономика, здравоохранение, технология и т.д.: Статьи Н.В. Кухаренко и С.В. Кухаренко, Н.В. Городновой, Д.А. Звягиной³ посвящены использованию культурной составляющей «мягкой силы» Китаем во внешнеэкономической деятельности. Работы А.В. Бредихина и Ли Ино, Е.В. Кудряшовой и А.В. Макулина, М.Ю. Опёнок, Сун Я., Янь К, К.А. Тарабарко, О. Завьяловой, О.Н. Бороха, Т.Л. Андреевой и К.Е. Керн⁴ сфокусировались на языке. Некоторые исследователи, такие как

Бугайчук Т. В. Политика «мягкой силы» и процесс формирования гражданской идентичности: точки соприкосновения // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 1 (19). С. 5-18.; Ахмадеева Я.М. Реализация политики "мягкой силы" КНР в отношении Азиатско-Тихоокеанского региона // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9. № 3. С. 16-26.

² Бояркина А.В. Большие стратегии внешней политики КНР: от Мао Цзедун до Си Цзиньпина // Российско-китайские исследования. 2023. Т.7. № 1. С. 69–78.; Виноградов А.О. РФ – КНР: состояние и перспективы двусторонних отношений. Китай в мировой и региональной политике // История и современность. Т.21. № 21. С. 47–61.; Сельницын А.С. Стратегическая коммуникация Китая в Африке // Via in tempore. История. Политология, 52(1): 277-286.; Пятачкова А.С. Особенности реализации концепции "общество единой судьбы" как инструмента дискурсивной силы КНР при Си Цзиньпине // Журнал ИМЭМО РАН, 2025, № 1. С. 37-45.; Рубина В.С. Многополярный вектор во внешнеполитической стратегии Дэн Сяопина: переосмысление дипломатического курса КНР // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 3. С. 80-86.; Андреев И.А. «Мягкая сила» Китая и её проекция на пространство постсоветской Евразии // Вестник Института социологии. 2019. Т.10. № 2. С. 90–106.; Андреев И.А. Феномен «Мягкой силы»: концептуальные, институциональные и технические аспекты: дис. ...кандидат политических наук . М.:2023.; Денисов И.Е., Зуенко И.Ю. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР. — М.: МГИМО Университет, 2022. С. 24.; Титаренко М.Л. «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром. М.: ИДВ РАН, 2015.; Зиневич О.В., Селезнева Н.В. Новая стратегия "мягкой силы" Китая // Вестник МГИМО-Университета. 2022. 15(6). С. 36-54.; Бехтева, Н.Н. «Мягкая сила» Китая в мировой политике // Молодой ученый. 2025. № 16 (567); Михневич С.В. Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 2. С. 95-129.

³ Кухаренко Н.В., Кухаренко С.В. Образование как инструмент «мягкой силы» Китая в отношении России // Современный Китай в системе международных отношений. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.; Городнова Н.В. Применение искусственного интеллекта в экономической дипломатии и международной торговле // Вопросы инновационной экономики. 2021. № 2.С.565-580.; Звягина Д.А. Культурное влияние как компонент «мягкой силы» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 11-2 (25). С. 94-98.

⁴ Бредихин А.В., Ли Ино Анализ мягкой силы Китая с точки зрения культурной коммуникации // Вопросы национальных и федеративных отношений. Т.15. Вып.2(119). С.337-343.; Кудряшова Е.В., Макулин А.В.,

В.А. Бурлаков, Д.В. Подоляк, Д.Л. Стровский⁵ анализируют СМИ как важный канал усиления «мягкой силы». Д.А. Долгова, Г. Люшен, В. Бурк⁶ в своих работах проанализировали использование Китаем спорта как инструмента политики «мягкой силы». Е. Харитонов, Н.Г. Рогожина и А.А. Рогожин⁷ исследуют фундаментальные основы экономического присутствия Китая, рассматривая его как условие для проведения политики «мягкой силы». В условиях пандемии Китай реализовал практику "вакцинной дипломатии", что побудило ряд исследователей обратиться к изучению данной специфической стратегии «мягкой силы», среди них следует отметить работы О.А. Нестерчук и Дун Чжэньвэй, Л.Ю. Медовкиной и Р. М. Мнухиной⁸.

Вклад Китая в развитие АТР и его возрастающее влияние в данном регионе стали предметом пристального научного анализа. Ряд исследователей, таких как Д.В. Мосяков и М.А. Шпаковская, Т.И. Понька, В.Б. Кашин, М.Л. Титаренко, С.В. Михневич⁹ концентрируют своё внимание

Опёнков М.Ю., Сун Я., Янь К. «Культурный компас» международных социологических рейтингов об «организационной культуре» приарктических государств // Арктика и Север. 2025. № 58. С. 159-176.; Тарабарко К.А. «Мягкая сила» культуры: эволюция концепции в трудах китайских ученых // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.— Тамбов: Грамота, 2016. № 7 (69): в 2-х ч. Ч. 2. С. 181-184.; Завьялова О. Языки Китая: новейшие исследования и открытия // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 5. С. 139-143.; Борох О.Н. Роль культуры в наращивании потенциала «мягкой силы» КНР // «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром. — М.: ИДВ РАН, 2015. С. 62-111.; Андреева Т.Л., Керн К.Е. Лингвистический аспект как фактор внешней политики КНР в XXI.// Вестник томского государственного университета.2017. № 417. С. 27-29.

⁵ Бурлаков В.А. Проблема использования стратегической коммуникации во внешней политике // Журналистский ежегодник 2016. № 5. С.12.; Подоляк Д.В. СМИ как инструмент "мягкой силы" во внешней политике КНР // Общество: политика, экономика, право.2018. № 11 (64). С.18.; Стровский Д.Л. Глобализация информационного пространства и ее влияние на журналистику. URL: <http://www.academia.edu/222639> (дата обращения 20.04.2018).

⁶ Долгова Д.А. Спорт как инструмент укрепления авторитета КНР на международной арене // Актуальные проблемы современных международных отношений.2017. № 2. С.98–106.; Люшен Г. Спорт и культура // Спорт, дух. ценности, культура. 1997. Вып. 2. С. 135–140.; Бурк В. Спорт в Китае: история развития и современное состояние // Наука в олимпийском спорте. 2014. № 1. С. 54–59.

⁷ Харитонов.Е. Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 6. С.48-58.; Рогожина. Н.Г., Рогожин. А.А. Экономическое присутствие Китая в Юго-восточной Азии - условие преведения политики "мягкой силы" // Мировая экономика и международные отношения. 2019.Т. 63. № 4. С. 40-49.

⁸ Нестерчук О.А., Дун Чжэньвэй Внутренняя политика Китая в период пандемии в отношении населения // Общество. Доверие. Риски. 2020.№ 10. С.69-71.; Медовкина Л.Ю., Мнухина Р.М. Роль «вакцинной дипломатии» во внешней политике Китайской Народной Республики // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение.2022. Т. 40. С.48-50.

⁹ Мосяков Д.В., Шпаковская М.А., Понька Т.И. Роль военной дипломатии во внешней политике КНР в Южно-Китайском море // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т.23. №2. С.358-371.; Кашин В.Б. На пути к глобальной военной державе: эволюция военной политики КНР в 1949-2014 гг. // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2013. № 4. С. 106-129.; Титаренко М.Л. Новые вызовы и механизмы безопасности в Восточной Азии // ФГБУН "Институт Дальнего Востока" Российской академии наук. — М.: Издательство

на вопросах региональной безопасности, рассматривая роль Китая через призму стратегической стабильности и военно-политического взаимодействия. Другие учёные, в частности Д.В. Мосяков, Е.А. Канаева, Е.Н. Грачиков, Ж.В.

Петрунина, О.Н. Глазунов и Е.С. Яблоков, Т.Р. Зайнуллин и Р.В. Пеньковцев¹⁰ исследуют внешнеполитическую стратегию Китая в АТР, анализируя её эволюцию и ключевые направления. Кроме того, значительное число работ, включая исследования Г.Д. Хонрада и С.А. Бокерия, Д.В. Малышева¹¹ посвящено участию Китая в многосторонних форматах сотрудничества, что позволяет оценить его роль в формировании институциональной архитектуры региона.

Заслуживают внимания также попытки анализа политики «мягкой силы» Российской Федерации, предпринятые в последнее время как работы, косвенно затрагивающие тематику настоящего диссертационного исследования. В своих работах: М.М. Мчедлова и О.А. Букин, А.В. Агеева, А.В. Будаев, А.Е. Фоминых, А.Л. Андреев, А.С. Косякина, А.С. Матвеевская и С.А. Дьякова, А.М. Бобыло, О.М. Тюкаркина¹² проанализировали

"Форум". 2016. С. 13-26.; Михневич С.В. Подходы КНР и США к развитию архитектуры безопасности в АТР: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. — Институт США и Канады РАН, Москва, 2017.

¹⁰ Мосяков Д.В. Глобальные тренды в современной ситуации в Азии // Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика: материалы научной конференции, Москва, 14–22 апреля 2022 года // Рекомендовано к печати Ученым советом ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. М. 2022. С. 380-382.; Канаев Е.А. Азиатско-Тихоокеанские системы безопасности: динамика и факторы развития // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 2. № 2(55). С. 11- 25; Канаев Е. А. Взаимодействие США с АСЕАН по проблеме Южно-Китайского моря // Россия и АТР. 2018. № 2(100). С. 101-117.; Грачиков Е.Н. Стратегия партнерских отношений КНР: практика и ее концептуализация (1993–2018) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т.63.№.3.С. 83-93; Грачиков Е.Н., Хайянь С. КНР и международная система: формирование собственной модели мироустройства // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2022. Т. 17. № 1. С. 7-24.; Петрунина Ж.В. Стратегические планы СССР и Китая в годы войны на Корейском полуострове // Ж.В. Петрунина, Я.В. Лапиков // 70 лет КНР: история, современность и перспективы развития: Сборник научных статей участников Международной научной конференции, Москва, 27 сентября 2019 года; Глазунов О.Н., Яблоков Е.С. Особенности и приоритеты внешней политики США и КНР в странах Северной и Тропической Африки // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 3. С. 34-41.; Зайнуллин Т.Р., Пеньковцев Р.В. Внешняя политика КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе в XXI веке // человеческий капитал. 2022. № 8 (164). С.47-53.

¹¹ Хонрада Г.Д., Бокерия С.А. Концепции «Шанхайского духа» и «Пути АСЕАН» как основа нового регионализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т.23.№2.С. 253-264.; Малышев Д.В. Шанхайская организация сотрудничества и ее роль в системе современных международных отношений (к 20-летию создания ШОС).

¹² Мчедлова М.М., Букин О.А. Российская цивилизация: цивилизационный подход в политической теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т.25. № 2. С.287-292.; Агеева А.В. Роль инструментов "мягкой силы" во внешней политике России // Власть. 2018. № 2. С.59-63.; Будаев А.В. Роль «мягкой силы» во внешней политике России. на примере российско-бразильских отношений : автореферат дис. канд. полит. наук : 23.00.04. М., 2014. 24 с.; Фоминых А.Е. Проецирование «мягкой силы»: публичная дипломатия США и России в постсоветской Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. Т. 13. Вып. 3. 2010. С. 73-86.; Андреев А.Л., Россия в современном мире: потенциал мягкой силы // Вестник

характерные особенности развития «мягкой силы» России, теоретические основы и компоненты феномена «национальный брендинг», а также оценили текущий имидж РФ и предлагается концепция адекватного имиджевого позиционирования страны в мировом сообществе.

Ряд учёных концентрирует своё внимание на анализе характеристик «мягкой силы» России и Китая, вызовов и перспектив их двустороннего взаимодействия в этом направлении, в частности А.Т. Алексеев, Д.А. Дегтерев и Ли Я., А.А. Трусова, М.С. Черняев, И.А. Архипова, И.А. Истомин, Е.М. Самкова, О.Е. Гришин и А.В. Трофимова, Т.Н. Юдина, Ю.В. Морозов¹³. Эти исследования вносят вклад в понимание сотрудничества между Китаем и Россией в различных сферах.

Анализ китайских ученых составляет одну из ключевых теоретических основ данного диссертационного исследования. В частности, труды таких китайских ученых, как Бай Сюэтао, Ли Минфу, Лу Вэй и Ли Давэй, Лянь Цзюнь, Лю Дэцзюнь, Сунь Вэй и Хуан Пэйчжао, Чжэн Сюань, Сяо Хэ и Пань Жун, Цзоу Гуанвэнь, Ян Юаньюань¹⁴ позволили проанализировать эволюцию

Института социологии. 2024. Том 15. № 2. С. 98–114.; Косякина А.С. Российский подход к концепции “мягкой силы”. Анализ и прогноз // Журнал ИМЭМО РАН, 2022. № 2. С.63-75.; Матвеевская А.С., Дьякова С.А. Публичная дипломатия и национальный брендинг Российской Федерации // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 1. С. 73-91.; Бобыло А.М. Роль инструментов «мягкой силы» в обеспечении национальных интересов России в АТР // Вестник Томского государственного университета. Философия.Социология.Политология.2016. № 4 (36). С. 328-339.; Бобыло А.М., Севастьянов С.В. «Мягкая сила» России: Азиатско-тихоокеанский вектор // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 4 (39). С. 75-85.; Тюкаркина О.М. Роль национального брендинга при формировании внешнеполитического имиджа современной России. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва. 2014. С.15.

¹³ Алексеев А.Т. Перспективные области и формы российско-китайского инвестиционного сотрудничества // Научные записки молодых исследователей. 2025. № 13(1). С. 6-13.; Дегтерев Д.А., Я Ли, Трусова А.А. Российская и китайская системы оказания международной помощи: сравнительный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. Т.17. Вып.4. С. 824-838.; Архипова И.А. Россия-Китай: аспекты взаимодействия в современных геополитических условиях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 2-1(101).С.121-124.; Истомин И.А. Особенности междержавной конкуренции в условиях взаимозависимости // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2018.Т.10. № 1. С. 72-101; Самкова Е.М. «Мягкая сила» как современная стратегия взаимоотношений РФ-КНР в сфере образования // European research. Сборник статей V Международной научно-практической конференции. 2016.С.187-191.; Гришин О.Е, Трофимова А.В. Российско-китайские отношения: политико-экономический аспект // Проблемы постсоветского пространства. 2018. Т.5. Вып.3. С. 224-235.; Юдина Т.Н. Влияние культуры и идеологии (мягкой силы) на социально-экономическое развитие России и Китая // Теоретическая экономика. 2015. № 2 (26). С. 36-44.; Морозов Ю.В. Значение мягкой силы России и Китая для центрально-азиатских партнеров по ШОС // Россия: тенденции и перспективы развития. 2016. № 11 (3). С. 182-190.

¹⁴ Бай Сюэтао Состав китайцев на российском Дальнем Востоке до Октябрьской революции коммуникаций // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 4 (73).; Ли Минфу. Распространение китайского языка как фактора мягкой силы во внешней политике КНР в XXI веке: канд.диссертация.политических наук: 23.00.04. – М: Санкт-Петербургский государственный университет, 2016. С. 236.; Лу Вэй, Ли Давэй [卢伟, 李大伟]. Дифференцированные стратегии развития великих держав на фоне концепции «Один пояс - один путь» [“一带一路”背景下大国崛起的差异化发展策略] // Китайские общественные науки [中国软科学]. 2016. Р. 11-19.; Лянь Цзюнь [连俊]. Рост мягкой силы Китая благоприятствует мировой экономике [中国软实力提升利好世界经

внешнеполитической мысли КНР. Особую ценность представляют разработанные китайскими исследователями теоретические модели, объясняющие механизмы выбора стратегий экономического противостояния великими державами. В научной литературе значительное внимание уделяется анализу ресурсной базы и потенциала китайской «мягкой силы», а также её способности влиять на международную арену. К числу ведущих специалистов в данной области относятся: Ван Юй, Мэнь Хунхуа, Чэнь Юйган, Ху Цзянь, Чжан Гоцзо¹⁵. Авторы, проявившие интерес к сравнению политики «мягкой силы» разных стран, к их сотрудничеству по данному направлению: Бай Жучунь, Янь Сюэту и Сюй Цзинь, Лю Цзайци и Сюй Яньмин, Ми Гуанхун и Ми Ян, Чжан Чжэнси, Чжу Кунлай и Ма Цзунго, Сяо Бинь¹⁶.

济] // Экономический ежедневник [经济日报]. 2025-02-25 (004).; Лю Дэцзюнь [柳德军]. Сущность разногласий и противоречий между Китаем и Советским Союзом во время второго кризиса в Тайваньском проливе [第二次台海危机中中苏间分歧、矛盾及其实质] // Журнал Муданьцзянского университета [牡丹江大学学报]. 2007. № 1. С. 30-43.; Сунь Вэй, Хуан Пэйчжао, Чжэн Сюань [孙微, 黄培昭, 郑璇]. Второе место в мире: за ростом рейтинга мягкой силы Китая [全球第二, 中国软实力排名上升的背后] // Глобальная газета [环球时报]. 2025-03-18 (005).; Сяо Хэ, Пань Жун [肖河, 潘蓉]. Механизм выбора стратегии экономической конкуренции великими державами [大国经济竞争策略的选择机制] // Международная политическая наука [国际政治科学]. 2021. Т. 6. №. 4. С. 1-40.; Цзоу Гуанвэнь [邹广文]. Пути развития мягкой силы культуры в эпоху глобализации [全球化时代文化软实力建构路径] // Народный форум [人民论坛]. 2014. № 16. С. 40-43.; Ян Юаньюань [闫元元]. Анализ динамики военной культуры Индии в 2023 году [2023年印度军事文化动态评析] // Исследования военной культуры [军事文化研究]. 2024. 3 (4). С. 150-156.

¹⁵ Ван Юй [王羽]. Каналы и стратегии распространения китайской культурной мягкой силы во Вьетнаме [中国文化软实力在越南的传播渠道与策略分析] // Западный журнал [西部学刊]. 2025(5). С. 113-116+123.; Мэнь Хунхуа [门洪华]. Сравнение мягкой силы Китая и США (2017-2020 гг.) [中美软实力比较 (2017-2020)] // Исследования международных отношений [国际关系研究]. 2021. № 4. С. 3-31.; Чэнь Юйган [陈玉刚]. Обсуждение вопроса о строительстве мягкой силы в Китае на фоне глобализации [试论全球化背景下中国软实力的构建] // Международное наблюдение [国际观察]. 2007 № 2. С. 36-42.; Ху Цзянь [胡健]. Исследование мягкой силы культуры: взгляд Китая [文化软实力研究: 中国的视角] // Социальные науки [社会科学]. 2011 № 5. С. 4-13.; Чжан Гоцзо [张国祚]. Несколько важных вопросов, на которые нужно ответить в создании мягкой силы китайской культуры [中国软实力建设必须回答的几个重要问题] // Научный социализм [科学社会主义]. 2015 № 5. С. 7-10.

¹⁶ Бай Жучунь [白如纯]. Новые тенденции в экономической дипломатии Японии в отношении Юго-Восточной Азии в свете новых тенденций в японо-вьетнамских отношениях [从日越关系新动向看日本对东南亚经济外交的新趋势] // Исследования по Японии [日本问题研究]. 2021. 35 (5). С. 20-26.; Янь Сюэту, Сюй Цзинь [阎学通, 徐进]. Сравнение мягкой силы КНР и США [中美软实力比较] // Современные международные отношения [现代国际关系]. 2008. № 1. С. 24-29.; Лю Цзайци, Сюй Яньмин [刘再起, 徐彦明]. «Мягкая сила» - важный фактор, влияющий на международное сопоставление силы [软实力是影响国际力量对比的重要因素] // Зарубежные социальные науки [国外社会科学]. 2011. № 1. С. 104-108.; Ми Гуанхун, Ми Ян [米广弘, 米洋]. Решение проблем информационно-пропагандистской деятельности для создания международного имиджа [应对外宣挑战树立国际形象] // Ежеквартальник публичной дипломатии [公共外交季刊]. 2021 (3). С. 43-50.; Чжан Сичжэнь [张锡镇]. «Мягкая сила» Китая в Юго-Восточной Азии и китайско-американские отношения [中国在东南亚的软实力和中美关系] // Исследования Южных морей [南洋问题研究]. 2009 (04). С. 11-19.; Чжу Конлай, Ма Цзунго [朱孔来, 马宗国]. Обзор современных исследований по мягкой силе в Китае и в мире, перспективы их развития [国内外软实力研究现状综述及未来展望] // Вестник Цзинаньского университета. Серия: Социальные науки [济南大学学报 (社会科学版)]. 2010 № 6 (20). С. 53-61.; Сяо Бинь [肖斌]. Сравнение мягкой силы в региональной

Указанные авторы в своих исследованиях действительно фокусируются на анализе различных аспектов «мягкой силы» Китая, рассматривая её проявления в разных сферах: Чжан Е, Чжао Юньцзе¹⁷ рассматривают цифровизацию культуры и успехи китайского культурного экспорта как ключевые факторы, способствующие усилению культурной привлекательности Китая. Ли Сысюан, Ян Имин¹⁸ анализируют значение Всемирного языкового конгресса как инструмента «мягкой силы», демонстрирующего влияние китайского языка и лингвистической политики. Бэй Сывэнь и Шэнь Цзин, Тан Сяо и Го Мэнцзе, Юань Чжэньго и Чэнь Сыюй¹⁹ изучают связь между образованием лидеров других стран и китайскими прямыми инвестициями, что отражает экономическое измерение «мягкой силы».

Проблема «мягкой силы» КНР в АТР также привлекла значительное внимание и стала предметом исследований многих зарубежных ученых, при этом особого внимания заслуживают труды А. Ачарья, Брайс Ли Б. Ц. Фу. и У. Дарк, Дж. Гарофано, У. Джон Морган, Л. Мюллер, М. Кабальеро-Антони, Н. Цахариаса и Н.Д. Уайт, Р. Лима, С.С. Тан, Т. Альшихы и Х.О. Салливан, М. Полкингхорн, Э. Геннингс²⁰. Эти исследования представляют комплексный

политике Китая и России [中俄地区政策中的软实力比较] // Исследования по России, Восточной Европе, Центральной Азии [俄罗斯东欧中亚研究]. 2015. № 1. С.23-31.

¹⁷ Чжан Е [张烨]. Ценность и пути построения системы внешней коммуникации китайской культуры [构建中华文化对外传播话语体系的价值与路径] // Экономический форум [经济论坛]. 2025. № 4. С.68-77.; Чжао Юньцзе [赵云洁]. Роль китайской сетевой литературы в укреплении культурной мягкой силы Китая [中国网络文学助推中华文化软实力建设研究] // Журнал Хэбэйского института программных технологий [河北软件职业技术学院学报]. 2024. 26 (4). С.67-71.

¹⁸ Ли Сысюань [李思萱] Строительство и распространение культурной «мягкой силы» Китая с точки зрения китайского языка и литературы [从汉语言文学看中国软实力的构建与传播] // Международные общественные отношения [国际公关]. 2024. (24). С.67-69.; Ян Имин [杨亦鸣] Всемирный конгресс языков: большой прорыв в «мягкой силе» Китая [世界语言大会: 中国软实力的一个重大突破] // Языкознание [语言科学]. 2025. 24 (01). С.1-7.

¹⁹ Бэй Сывэнь, Шэнь Цзин [贝思文, 沈婧]. Цифровая трансформация культуры: укрепление «мягкой силы» Китая [文化数字化变革: 赋能中国软实力提升] // Международный обмен талантами [国际人才交流]. 2024. (09). С.51-56.; Тан Сяо, Го Мэнцзе [唐啸, 郭梦柯]. Зарубежное образование руководителей принимающих стран и прямые иностранные инвестиции Китая: эмпирическое исследование на основе перспективы «мягкой силы» [东道国领导人海外教育背景与中国对外直接投资-基于软实力视角的实证研究] // Сравнение экономических и социальных институтов [经济社会体制比较]. 2022. (02). С.158-169.; Юань Чжэньго [袁振国], Чэнь Сыюй [陈思语]. Размышления о мягкой силе образовательной державы [关于教育强国软实力的思考] // Китайское дистанционное образование [中国远程教育]. 2025. 45 (4). С.3-14.

²⁰ Acharya A. Realism, institutionalism, and the asian economic crisis // Contemporary Southeast Asia. 1999. Т. 21. № 1. С. 1-29.; Lee B.Ts.Fu., Darke W., Schubert Ja.N.F. "China's Global Governance as a Tool for Accelerating International Sustainable Development and Pandemic Security." // China Report. 2024. Т. 60. № 4. С. 378-397.; Garofano J. Power, institutions, and the ASEAN Regional Forum: a security community for Asia? // Asian survey. 2002. Т. 42. № 3. Р. 502-521.; Morgan J.W. Soft power, public diplomacy, and modernity in China and Russia //

подход к пониманию динамики власти в АТР, сочетая теорию с анализом конкретных региональных инициатив.

Анализ источников по теме исследования показал, что многие работы не в полной мере учитывают некоторые важные аспекты влияния Китая в АТР, такие как его роль в региональных организациях, долгосрочные последствия китайских инвестиций и влияние военного сотрудничества и соглашений в данной сфере. Эти аспекты могут способствовать более позитивному восприятию Китая в регионе и, следовательно, противоречить утверждению о рисках и негативных политических последствиях политики «мягкой силы» Китая. В целом, хотя исследования предоставляют ценные сведения о политике «мягкой силы» Китая в АТР, они не являются всеобъемлющим и требуют дальнейших исследований для более полного понимания влияния Китая в регионе.

Объект исследования – «мягкая сила» Китайской Народной Республики.

Предмет исследования – особенности и механизмы реализации «мягкой силы» Китая в АТР.

Цель исследования заключается в выявлении концептуальных оснований, механизмов и инструментов реализации стратегии «мягкой силы» КНР с китайской спецификой, анализе её применения в АТР, а также исследовании направлений российско-китайского взаимодействия в гуманитарной и культурной сфере с учётом существующих проблем развития стратегического партнёрства Китая и России в условиях трансформации механизмов глобального управления.

Задачи исследования:

Eurasian Geography and Economics. 2025. 66 (2). P.279-285.; Lukas Maximilian Muller. ASEAN centrality under threat—the cases of RCEP and connectivity // Journal of Contemporary East Asia Studies, 2019. Vol.8. № 2. P.177–198.; Mely Caballero-Anthony. Understanding ASEAN's centrality: bases and prospects in an evolving regional architecture // The Pacific Review. 2014.Vol.27. P.563-584.; Tsagourias N., White N. D. Collective Security: theory, law and practice. – Cambridge University Press, 2013. P. 518.; Lim R. The ASEAN Regional Forum: building on sand // Contemporary Southeast Asia. 1998. C. 115-136.; See Seng Tan. Rethinking “Asean Centrality” in the regional governance of east Asia // The Singapore Economic Review. 2018. №. 1. P. 1-20.; Alshikhy T, Sullivan H.O, Polkinghorne M, Gennings E. The Role and Impact of Sporting Mega-Events in the Context of Soft Power // Encyclopedia. 2025. 5 (1). P. 31-31.

1. Исследовать понятие, сущность и подходы к изучению концепции.
2. Определить современное состояние «мягкой силы» Китая как инструмента внешней политики государства в различных областях и её роль в АТР.
3. Исследовать роль России и Китая в АТР, с акцентом на российское взаимодействие с Китаем в контексте политики «мягкой силы».
4. Исследовать особенности «мягкой силы» России в АТР и провести сравнительный анализ подходов Китая и России.
5. Выявить проблемы и перспективы России и Китая в АТР в контексте реализации политики «мягкой силы».

Хронологические рамки исследования. Исследование охватывает период с начала XXI века по настоящее время, что позволяет выделить ключевые этапы развития китайской стратегии «мягкой силы» в АТР. В 2000-х упор делался на экономическое и культурное влияние, в 2010-х — на инфраструктурные проекты и региональные организации, а в 2020-х — на цифровую дипломатию и образовательные программы. Это позволяет оценить адаптацию стратегии к меняющимся глобальным условиям.

Гипотеза исследования заключается в том, что КНР реализует стратегию «мягкой силы» в АТР, опираясь на сочетание традиционных культурных ценностей и современных политико-экономических инструментов, что позволяет ей укреплять влияние в регионе через культурную дипломатию, образовательные программы, экономическое партнёрство и участие в региональных организациях. Несмотря на различия в подходах, между Россией и Китаем существует потенциал синергетического взаимодействия в гуманитарной и интеграционной плоскости, ограниченный рядом вызовов, включая различия в стратегических установках и внешнем восприятии.

Теоретическая и методологическая основа исследования

Теоретическая основа исследования базируется на концепции «мягкой силы», впервые предложенной Джозефом Наем в конце XX века. Согласно Дж. Наю, «мягкая сила» представляет собой способность государства влиять

на других через привлекательность своей культуры, политических ценностей и внешней политики, а не через принуждение или экономическое давление. Эта концепция стала ключевой для анализа современных международных отношений, особенно в контексте растущей роли нематериальных факторов во внешней политике.

В рамках исследования также рассматривается эволюция концепции «мягкой силы» применительно к Китаю. Китайская интерпретация «мягкой силы» включает в себя элементы традиционной китайской культуры, конфуцианских ценностей, а также современные политические и экономические инициативы. Особое внимание уделяется специфике китайской «мягкой силы» в АТР, где Китай активно использует культурную дипломатию, образовательные программы и экономическое, техническое сотрудничество для укрепления своего влияния.

Кроме того, исследование опирается на теоретические концепции анализа форм межгосударственного взаимодействия, позволяющие понять, как Китай использует международные организации и региональные инициативы для продвижения своих интересов в АТР. В контексте российско-китайского сотрудничества в регионе теоретическая основа включает сравнительный анализ подходов России и Китая к реализации «мягкой силы». Это позволяет выявить общие черты и различия в их стратегиях, а также оценить потенциал и вызовы двустороннего сотрудничества в АТР.

В диссертации использовались такие **подходы** исследования, как:

Структурно-функциональный подход, который позволил изучить институты и механизмы реализации китайской концепции глобального управления.

Цивилизационный подход, используемый для анализа влияния исторических и культурных особенностей Китая на его современную политику, включая концепции «Шанхайского духа» и «Глобальной цивилизационной инициативы».

Ценностный подход, применяемый для выявления базовых ценностей, лежащих в основе китайской модели «мягкой силы», таких как принципы «Сообщества единой судьбы человечества».

Институциональный подход, позволяющий исследовать роль международных организаций и многосторонних структур в продвижении китайских инициатив в АТР.

Историко-генетический подход, используемый для анализа эволюции китайской «мягкой силы» в контексте реформ и открытости, а также её адаптации к современным вызовам.

В диссертации использовались такие **методы** исследования, как:

Описательный метод, позволяющий рассматривать ключевые аспекты стратегий «мягкой силы», был использован для их систематизации.

Сравнительный анализ, позволяющий рассматривать институциональные механизмы реализации «мягкой силы» Китая и России в АТР.

Контент-анализ, позволяющий рассматривать медиадискурс и официальные документы, был применен для выявления ключевых нарративов и их изменения во времени.

Количественный анализ, позволяющий рассматривать статистические данные по торговле, инвестициям и культурному обмену и т.д., был применен для оценки эффективности «мягкой силы».

Системный анализ, позволяющий рассматривать «мягкую силу» КНР в АТР как целостную и динамичную систему взаимодействующих элементов и её адаптацию к внешней среде, был применён для выявления структуры, функций и синергетических эффектов данной стратегии.

Эмпирическая база исследования включает в себя широкий спектр источников и данных, которые позволяют проанализировать применение Китаем инструментов «мягкой силы» в АТР: документы китайского правительства, включая стратегии развития «мягкой силы», такие как

инициатива «Один пояс, один путь»²¹, а также заявления китайских лидеров по вопросам внешней политики. Официальные документы и программы России, связанные с продвижением «мягкой силы» в АТР²².

В работе также использованы материалы китайских и российских государственных СМИ, отражающие официальную позицию по вопросам «мягкой силы».

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Определено, что теоретическое ядро китайской модели «мягкой силы» формирует трехмерную систему взаимодействия "эффективность развития - институциональные инновации - цивилизационный диалог". Данная теоретическая парадигма принципиально отличается от западных концепций, трактующих «мягкую силу» как инструмент перераспределения власти, демонстрируя уникальную способность трансформировать экономическую динамику в нормативно-регулятивное воздействие. Посредством поэтапных институциональных преобразований она оказывает влияние на региональные управленческие практики, сохраняя при этом культурную субъектность в межкультурном диалоге.

2. Установлено, что этапное развитие китайской концепции «мягкой силы» раскрывает механизм поэтапной интеграции традиционных культурных элементов в её реализацию в АТР. На когнитивном уровне (2001-2012 гг.) происходило первичное усвоение традиционных символов через фестивальную дипломатию и сеть культурных институтов. На нормативном уровне (2013-2017 гг.) принципы «гармонии и единства»

²¹ Доклад XVII съезда КПК (2007): Ху Цзиньтао. 15.10. 2007 г. URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930.htm (дата обращения: 24.03.2025).; Си Цзиньпин. Доклад на XIX съезде Коммунистической партии Китая «О всестороннем построении умеренно зажиточного общества и великом возрождении китайской нации». – Пекин: Информационное агентство «Синьхуа», 18. 10. 2017 г. URL: http://www.xinhuanet.com/english/download/Xi_Jinping's_report_at_19th_CPC_National_Congress.pdf (дата обращения: 24.03.2025).; О китайской инициативе «Один пояс, один путь». МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/activity/coordinating_and_advisory_body/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767163/ (дата обращения: 24.03.2025).

²² Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 5 июля 2021 г. N 27 (часть II). С. 5351. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>; Указ Президента Российской Федерации от 5 сентября 2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» (в ред. от 17 окт. 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 2022. № 37. С. 6186. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280>.

трансформировались в проектные стандарты таких механизмов, как Ланцан-Меконгское сотрудничество. На аксиологическом уровне (с 2018 г. по наст. вр.) концепция «Поднебесной» эволюционировала в конструктивную логику регионального сообщества единой судьбы. Ключевая инновация заключается в выявлении динамической траектории развития традиционной культуры, преодолевающей западную парадигму рассмотрения культурных элементов как статичного инструментария «мягкой силы». Доказано, что через институциональную трансформацию традиционная культура становится конституирующей силой регионального управления.

3. Осуществлена систематизация концепции «регионально-адаптированного сотрудничества», специально разработанной Китаем для АТР. Посредством инновационного механизма «точечного соответствия потребностям развития» преодолены ограничения традиционных универсальных подходов к региональной кооперации, сформирована многоуровневая сеть прагматического взаимодействия. Данный вклад не только обогатил теоретическое содержание китайской концепции «мягкой силы», но и предложил новую парадигму для участия развивающихся стран в региональном управлении.

4. Установлено, что Китай разработал инновационный механизм "трансформации потенциала развития в влияние" в АТР, преодолевающий традиционную бинарную оппозицию «жесткой» и «мягкой силы». Доказано, что инфраструктурные инвестиции и другие элементы «жесткой силы» трансформируются в три формы «мягкой силы»: институциональное влияние (через интернализацию правил), когнитивную привлекательность (через демонстрацию развития) и реляционную связанность (через взаимозависимость интересов). Предложена новая теоретическая модель, объясняющая синергию материальных и нематериальных факторов в китайской стратегии регионального взаимодействия.

5. Выявлено, что взаимодействие Китая и России в сфере «мягкой силы» формирует уникальную модель «асимметричной комплементарности»: Китай, используя синергетический эффект взаимовыгодного экономического

сотрудничества, создает ориентированную на развитие модель привлекательности, Россия выстраивает безопасно-центрированную «мягкую силу» на основе энергоресурсов и гуманитарных обменов. Установлено, что данная структурная дивергенция способствует формированию у стран АТР дифференцированной стратегии по принципу «экономическое сотрудничество с Китаем, безопасность через Россию». Результаты исследования предлагают новую парадигму понимания современной системы международных отношений, преодолевающую традиционную дихотомию «выбора сторон» и демонстрирующую тенденцию к «функциональной специализации», когда государства формируют динамичные отраслевые модели кооперации.

6. Доказано, что исследование преодолевает теоретические ограничения традиционной концепции «мягкой силы», исключавшей военную составляющую. Выделено, что посредством неконфронтационного военного сотрудничества (совместные учения, подготовка кадров и т.д.) формируются стратегическое доверие и консенсус в области безопасности. Предложено новое теоретическое осмысление диалектической взаимосвязи между сотрудничеством в области безопасности и строительством «мягкой силы» в современных международных отношениях.

Положения, выносимые на защиту

1. Китайская концепция «мягкой силы» в АТР обладает уникальными характеристиками, которые реализуются через многосторонние механизмы сотрудничества, такие как Всестороннее региональное экономическое партнёрство и Ланьцан-Меконгское сотрудничество, а также через идеи, подобные «сообществу единой судьбы человечества». Данная концепция акцентирует экономические выгоды в рамках инициативы «Один пояс – один путь», предлагает подход «отложить спор и совместно разрабатывать» в урегулировании Южно-Китайского моря и продвигает принципы коллективной безопасности в духе «азиатской концепции безопасности». Такой подход к «мягкой силе», ориентированный на развитие и взаимовыгодное сотрудничество, находит особый отклик в АТР, поскольку

соответствует насущным потребностям развивающихся стран региона в экономическом росте и социальной стабильности, одновременно уважая особенности азиатской цивилизационной многообразности.

2. Развитие Китая в сфере культуры, образования, спорта, инвестиций, здравоохранения и технологий в АТР демонстрирует эволюцию от первоначального расширения масштабов до формирования комплексной системы влияния, где элементы «мягкой силы» взаимно усиливают друг друга, создавая синергетический эффект. Анализ этапных характеристик данного процесса свидетельствует о стратегическом замысле трансформации экономико-технологических преимуществ в институциональное лидерство.

3. Китай реализует в АТР стратегию взаимной трансформации «жёсткой силы» и «мягкой силы», демонстрируя их диалектическое единство. Воспринимаемая «жёсткость» Китая в международных делах не противоречит, а дополняет его стратегию «мягкой силы»: с одной стороны, Пекин твёрдо отстаивает ключевые интересы, включая территориальную целостность и экономическую безопасность (проявления «жёсткой силы»), с другой — посредством дифференцированной дипломатии, институционализированных механизмов сотрудничества и прагматичных концепций вроде «сообщества единой судьбы человечества» преобразует масштабные инфраструктурные проекты и технологические инвестиции в элементы «мягкой силы». Данный процесс трансформации, осуществляемый через культурные платформы, нормативные концепции и научно-техническое сотрудничество, не только укрепляет политические, экономические и военные позиции Китая, но и существенно усиливает стратегическую автономию страны, позволяя более эффективно формировать региональный порядок, параллельно повышая международную привлекательность китайской модели развития.

4. После украинского кризиса 2014 года, и особенно с начала специальной военной операции, кардинальная переориентация международных отношений России была концептуализирована как стратегия «поворота на Восток», направленная на усиление геополитического присутствия России в АТР через углубление политико-экономических связей

с Китаем и другими региональными государствами. Беспрецедентное укрепление российско-китайского сотрудничества сталкивается с рядом региональных проблем, включая озабоченность других стран в связи с углублением военного взаимодействия России с остальными участниками АТР. Параллельно обеим странам необходимо совместно противостоять давлению западных санкций, реструктуризации региональной архитектуры безопасности и вмешательству третьих сил, что требует создания более совершенных механизмов управления кризисами и координации интересов по вопросам АТР при сохранении стратегического взаимодействия — это необходимо для защиты двустороннего сотрудничества от воздействия изменяющейся внешней среды.

5. Сравнительный анализ практик применения «мягкой силы» в АТР демонстрирует принципиальное различие стратегических парадигм двух стран. Китай формирует системную модель «мягкой силы», основанную на институциональном строительстве, где ключевая роль отводится стратегической интеграции экономических ресурсов, культурного капитала и многосторонних механизмов, создавая тем самым самовоспроизводящуюся сеть регионального влияния. В отличие от этого, российское воздействие преимущественно опирается на геополитические рычаги энергетической торговли, углублённое развитие избранных двусторонних отношений и альтернативный политический дискурс, распространяемый через медиаплатформы. Данное различие отражает фундаментально различающиеся логики генерации международного влияния: если первый подход обеспечивает устойчивую экспансию через институционализированные сетевые эффекты, то второй ориентирован на точечные стратегические прорывы для поддержания влияния в специфических сферах.

6. Государства АТР сформировали уникальное восприятие и стратегии реагирования на влияние Китая и России. В регионе преобладает прагматичная позиция «избирательного принятия», где экономическая динамика Китая и функции безопасности России рассматриваются как взаимодополняющие ресурсы, позволяющие странам точно калибровать эти

асимметричные преимущества для обслуживания собственных стратегий развития. Хотя большинство государств АТР признают возможности, создаваемые экономическим ростом Китая, они сохраняют настороженность в отношении таких действий, как милитаризация Южно-Китайского моря. Аналогично, при признании балансирующей роли России в региональной безопасности, существует обеспокоенность её чрезмерной зависимостью от энергетических инструментов. Региональные государства не пассивно принимают влияние Москвы и Пекина, а активно выстраивают сети «многонаправленных альянсов», используя такие механизмы, как АСЕАН, для регулирования поведения великих держав, одновременно привлекая третьи силы для поддержания стратегического баланса.

Исследование имеет **теоретическую значимость**, поскольку анализирует и обобщает опубликованные материалы академических исследований политической стратегии «мягкой силы».

Теоретическая значимость исследования заключается в его вкладе в развитие концепции «мягкой силы» через её адаптацию к китайским реалиям, что позволяет расширить понимание влияния национально-культурной специфики на формирование и реализацию данной стратегии. Проведенный сравнительный анализ подходов Китая и России в АТР способствует углублению знаний о сходствах и различиях в их стратегиях, выявляя уникальные черты каждой из них в региональном контексте. Кроме того, работа вносит вклад в междисциплинарное изучение феномена «мягкой силы», интегрируя теоретические подходы и методы из сфер международных отношений, политологии, культурологии и экономики, что обогащает его понимание в условиях современной геополитики.

Практическая значимость:

Результаты исследования могут быть использованы для разработки рекомендаций по укреплению «мягкой силы» Китая и России в АТР. Это особенно актуально в условиях усиления геополитической конкуренции и необходимости поиска новых форм сотрудничества в регионе. Анализ проблем и перспектив сотрудничества Китая и России в области «мягкой

силы» может способствовать выработке совместных стратегий, направленных на укрепление их позиций в АТР. Это может включать совместные культурные, образовательные и экономические проекты. Материалы исследования могут быть использованы в учебных курсах по международным отношениям, политологии и регионоведению, а также в работе экспертов и аналитиков, занимающихся вопросами внешней политики и «мягкой силы».

Данное исследование имеет как теоретическую, так и практическую ценность, способствуя углублению понимания феномена «мягкой силы» и предлагая конкретные рекомендации для укрепления позиций Китая и России в АТР.

Соответствие диссертации паспорту специальности. Работа соответствует паспорту специальности 5.5.4 «Международные отношения, глобальные и региональные исследования»²³.

Апробация Основные положения и выводы исследования были опубликованы в 11 опубликованных научных работах автора по теме диссертационного исследования (в том числе 1 статья в журнале, включенном в международную базу данных SCOPUS, 5 статей в журналах, включенных в перечень ВАК и перечень РУДН, 5 статей опубликованы в иных изданиях).

Положения диссертации были обсуждены на следующих конференциях и форумах: Всероссийская научная конференция молодых исследователей с международным участием «Экономика сегодня: современное состояние и перспективы развития» Вектор-2021 (Москва, 25 мая 2021 года), XXVIII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых (Москва, 21-23 апреля 2021 года), XXIX Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2022». Секция «Экономическое развитие и политические системы» (Москва, 11-12 апреля 2022 года), XII Международной

²³ Работа соответствует следующим пунктам: п.2. Субъекты международных отношений. Деятельность государственных и негосударственных акторов. Формальные и неформальные институты в международных отношениях и в мировой политике. Формирование и реализация внешнеполитических стратегий, концепций и доктрин; п.3. Мировая политика. Субъекты мировой политики. Современный мировой политический процесс. Глобальная система и региональные подсистемы международных отношений и мировой политики.

научно-практической конференции (Абакан, 10–11 ноября 2021 года), I Всероссийской молодежной научно-практической конференции (Пермь, 12 ноября 2021 года), The International applied research conference «Human resource management within the framework of realisation of national development goals and strategic objectives» (Нижний Новгород, 28 января 2022 года).

Структура научного исследования включает в себя введение, две главы (шесть параграфов), заключение, список источников и литературы и приложение.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность выбранной темы, изучена степень научной разработанности проблемы в российской и зарубежной науке, представлены цели и задачи, предмет и объект работы, методология и методы, теоретическая основа и эмпирическая база исследования. Также во введении содержатся проблема и гипотеза исследования, раскрываются элементы научной новизны и основные положения, выносимые на защиту, формулируются теоретическая и практическая значимость работы, даётся информация о публикациях автора по теме исследования и апробировании его результатов.

В **первой главе «Концепция "мягкой силы" теоретико-методологическая основа исследования»** представлено комплексное исследование теории «мягкой силы» с китайской спецификой и её практической реализации. Теоретический раздел рассматривает процесс эволюции концепции «мягкой силы», её принципиальные отличия от традиционных парадигм международных отношений, особенно в контексте перехода от парадигмы «жёсткой силы». Особый акцент сделан на процессе адаптации западных теоретических подходов Китаем, в результате чего сформировалась оригинальная система, базирующаяся на принципах взаимовыгодного сотрудничества и совместного развития, с созданием соответствующих практических механизмов. Практический анализ охватывает ключевые направления, включая культурную сферу, образовательные программы, технологическое сотрудничество и здравоохранение, демонстрируя эволюцию стратегии «мягкой силы» от культурно-просветительской деятельности к модели развития, характеризующейся реализацией инфраструктурных проектов, трансфером технологий и созданием новых институциональных форматов. В главе

последовательно раскрывается процесс развития китайской концепции «мягкой силы» — от освоения зарубежного опыта до создания самостоятельной теоретической системы и её многоаспектного практического воплощения.

В параграфе *1.1 «Концепция "мягкой силы": понятие, сущность, подходы к исследованию»* проводится углублённый анализ эволюции форм власти в международных отношениях — от принудительной логики традиционной «жёсткой силы» до механизмов привлекательности концепции «мягкой силы», раскрывающей, как нематериальные ресурсы формируют международное поведение не принудительными методами. Исследование демонстрирует преодоление «мягкой силой» классических парадигм политического реализма, акцентируя её уникальную способность трансформировать восприятие через механизмы установления повестки дня и интернализации норм, при этом анализируется комплементарность обоих подходов в рамках концепции «умной силы». На примерах публичной дипломатии и национального брендинга показана ключевая роль «мягкой силы» в современных международных стратегиях.

В параграфе *1.2 «Китайская специфика концепции "мягкой силы"»* систематически излагается процесс формирования и развития концепции «мягкой силы» с китайской спецификой, с особым акцентом на инновационную модель построения международного влияния, разработанную Китаем на основе адаптации западных теорий и включающую такие ключевые концепции, как «гармоничный мир» и «сообщество единой судьбы человечества». Исследование концентрируется на инновационных концепциях, предложенных Китаем для АТР, включая принципы дипломатии добрососедства «близость, искренность, взаимная выгода и терпимость» и механизм сотрудничества Ланцан-Меконг и т.д. В разделе раскрываются практические подходы Китая к трансформации региональной системы управления через модель развития. Всесторонне представлен эволюционный

процесс — от заимствования теоретических положений до самостоятельных инноваций, завершившийся формированием уникальной восточной теоретической системы «мягкой силы» и её практической реализации в АТР.

В параграфе **1.3 «Современное состояние "мягкой силы" Китая в различных областях»** представлен системный анализ современного состояния реализации стратегии «мягкой силы» Китая, с акцентом на ключевые направления, включая культурно-медийную сферу, образование, спорт, инвестиции, здравоохранение и наукоёмкие технологии. Исследование демонстрирует, как Китай трансформирует свои конкурентные преимущества в системное влияние через многоуровневую всеобъемлющую стратегию, нашедшую выражение в создании Институтов Конфуция, развитии цифровой дипломатии и международного медицинского сотрудничества. Анализ выявляет эволюционный переход от традиционной трансляции культурных ценностей к модели развития, основанной на сотрудничестве. Подчёркивается, что китайская практика «мягкой силы» эволюционировала от одномерного культурного экспорта к комплексной системе многостороннего взаимодействия, базирующейся на принципах взаимной выгоды и совместного развития. Данная модель, ориентированная на достижение конкретных результатов развития, осуществляет трансформацию международных отношений через создание инфраструктурной взаимосвязанности, передачу технологий и производственных мощностей, формирование многосторонних институциональных механизмов и инновационных концепций развития.

Вторая глава «Современные стратегии "мягкой силы" Китайской Народной Республики в АТР» посвящена сравнительному анализу стратегий «мягкой силы» Китая и России в АТР. Выявляются ключевые особенности китайского подхода, опирающегося на масштабные экономические проекты, системный культурный экспорт и многостороннюю дипломатию, в то время как российская стратегия в большей степени сосредоточена на энергетике, военно-техническом сотрудничестве и классическом культурном наследии.

Несмотря на внутренние различия и внешнее давление, глава определяет значительный потенциал для синергии двух стран через интеграцию инфраструктурных инициатив и совместные проекты, способные усилить их совокупное влияние в АТР.

В параграфе **2.1 «Основные характеристики "мягкой силы" Китая в АТР»** рассматривается поэтапная динамика развития «мягкой силы» Китая в АТР. На основе систематизации эмпирического материала выделены три ключевых этапа эволюции — от первоначальной экспансии до формирования комплексной системы взаимосвязанных инструментов в сферах экономики, культуры и технологий. Выявлены уникальные характеристики китайского подхода, сочетающего экономическую привлекательность, интеграцию традиционных и современных элементов, а также активное участие в региональных институтах. Анализ демонстрирует стратегический курс на трансформацию экономико-технологических преимуществ в институциональное лидерство и устойчивое влияние в регионе.

В параграфе **2.2 «Различия в особенностях "мягкой силы" Китая и России в АТР»** проводится сравнительный анализ особенностей мягкой силы Китая и России в АТР, выявляя их принципиальные различия в стратегиях, инструментах и восприятии региональными странами. «Мягкая сила» Китая носит комплексный и системный характер, опираясь на масштабные экономические проекты, разнообразный культурный экспорт и активное участие в многосторонних институтах для формирования институционального влияния. В отличие от этого, мягкая сила России в значительной степени остается инструментальной и специализированной, фокусируясь на энергетическом сотрудничестве, военно-технических поставках, антизападном нарративе и классическом культурном наследии, действуя в роли стратегического балансера. Анализ взглядов стран АТР показывает, что они часто придерживаются комплементарного подхода: рассматривая Китай как основного экономического партнера, а Россию — как важного поставщика

безопасности, что создает уникальную модель функционального дополнения двух держав в регионе, а не прямую конкуренцию между ними.

В параграфе **2.3 «Проблемы и перспективы сотрудничества Китая и России в сфере "мягкой силы" в АТР»** анализируются проблемы и перспективы сотрудничества Китая и России в сфере «мягкой силы» в АТР. Исследуются внутренние вызовы, такие как различия в культурных нарративах и структурные дисбалансы в экономическом сотрудничестве, а также внешнее давление, включая стратегию сдерживания США и их союзников, политику «хеджирования» региональных государств и негативный информационный фон, формируемый западными медиа. Вместе с тем, в разделе определяются перспективные направления синергии, в частности, углубленная интеграция инициативы «Один пояс — один путь» и «Большого евразийского партнерства», разработка инновационных моделей «мягкая сила+» и реализация совместных проектов на третьих рынках.

В **Заключении** диссертационного исследования подведены итоги проделанного исследования, представлены основные выводы и обобщения.

Россия и Китай демонстрируют различные подходы к развитию «мягкой силы» в АТР: Китай делает акцент на экономико-нормативном влиянии через инфраструктурные и многосторонние проекты, тогда как Россия ориентирована на обеспечение стратегической стабильности. Несмотря на различия, их взаимодействие формирует уникальную модель взаимодополняемости, где сочетание экономической мощи Китая и роли России в сфере безопасности создаёт синергетический эффект. Это открывает значительные перспективы для углубления координации в многосторонних форматах, реализации совместных гуманитарных инициатив и формирования новой, немеханической парадигмы регионального управления, что принципиально меняет геополитический ландшафт АТР.

III. ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в изданиях, рекомендованных Перечнем ВАК Министерства образования и науки РФ, и в изданиях из перечня, рекомендованного Аттестационной комиссией РУДН:

1. Юйхань. «Мягкая сила» в политике КНР в АТР // Вопросы политологии. 2021. Том 11. № 5 (69). С.1506-1511. (ВАК К3)
2. Юйхань, Попов С.И. Влияние политики «мягкой силы» Китая в АТР // Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология. 2022. Том 22. № 3. С.355-359. (ВАК К 2)
3. Юйхань. Феномен «умной силы» во внешней политике КНР в АТР // Вестник поволжского института управления. 2023. Том 23. № 2. С.4-13. (ВАК К 2)
4. Юйхань. Стратегия культурной мягкой силы Китая в АТР // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Том 12. № 3 (84). С. 984-990. (ВАК К 3)

Статья, опубликованные в международных реферативных базах данных:

1. Yuhan, Popov S. I., Zakharova S. G., Galin V. N., Fedorova V. N. China's strategy to strengthen soft power in the Asia-Pacific region // The III International applied research conference "Human resource management within the framework of realisation of national development goals and strategic objectives", Nizhny Novgorod, 28 января 2022 года. – Laragh: Institute of Economics and Entrepreneurship of the National Research Lobachevsky State University, 2022. P.16-22. (Scopus).

Статьи, опубликованные в иных видах изданий:

1. Юйхань, С.И. Попов, О.А. Нестерчук, О.Е. Гришин, Су Шуай. Реализация политики «умной силы» Китая и России средствами образования и культуры во внешней политике // Вопросы истории. 2024. Выпуск 1. С.190-199.

2. Юйхань. Ключ к китайско-российскому стратегическому взаимодействию в следующем десятилетии - поддержание стабильности и развития в АТР // Сборник материалов XXVIII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Политическая глобалистика», Москва, 21-23 апреля 2021 года. – М.: Макс Пресс.

2021.URL:https://conf.msu.ru/archive/Lomonosov_2021/data/22443/123919_uid562952_report.pdf

3. Юйхань. Экономическая дипломатия и мягкая сила КНР // Сборник материалов XXIX Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Экономическое развитие и политические системы» , Москва, 11-12 апреля 2022 года. – М.: Макс Пресс. 2021. URL:

https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2022/data/25550/144665_uid562952_report.pdf.

4. Юйхань. Процесс развития экономического сотрудничества Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая // «Экономика сегодня: современное состояние и перспективы развития» (Вектор-2021): сборник материалов Всероссийской научной конференции молодых исследователей с международным участием, Москва, 25 мая 2021 года. – М.: ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина», 2021. С. 240.

5. Юйхань. Анализ конкуренции и сотрудничества между Транстихоокеанским партнерством и Всесторонним региональным экономическим партнерством в АТР // Конкурентный потенциал региона: оценка и эффективность использования, Материалы XII Международной

научно-практической конференции, Абакан, 10–11 ноября 2021 года. – Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2021. С.57-59.

6. Юйхань, Попов С.И. Экономические инновации КНР и возможности развития АТР и мировой экономики // Инновационные развитие экономики: тенденция и перспективы 2021. Материалы I Всероссийской молодежной научно-практической конференции, Пермь, 12 ноября 2021 года. – Пермь: Издательство Пермского национального исследовательского политехнического университета. 2022. С. 68-73.

ЮЙХАНЬ
(Китай)

«МЯГКАЯ СИЛА» КНР В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

В диссертации исследованы теоретические основы концепции «мягкой силы», ее китайская специфика и современное состояние в различных сферах, а также проанализированы стратегии «мягкой силы» КНР в АТР. В работе изучены основные характеристики китайской «мягкой силы» в АТР, проведен сравнительный анализ особенностей «мягкой силы» Китая и России, а также выявлены проблемы и перспективы сотрудничества двух стран в этой сфере. Несмотря на различия в подходах России и Китая к реализации «мягкой силы», их взаимодействие создает уникальную модель взаимодополняемости. Это сотрудничество открывает значительные перспективы для совместного формирования новой парадигмы регионального управления, координации в многосторонних форматах и реализации гуманитарных проектов, что в конечном итоге способствует изменению геополитического ландшафта АТР.

YUHAN

(China)

CHINA'S SOFT POWER IN THE ASIA-PACIFIC REGION

The dissertation examines the theoretical foundations of the "soft power" concept, its Chinese specifics, and its current manifestations across various domains. It also analyzes the soft power strategies of the People's Republic of China (PRC) in the Asia-Pacific Region (APR). The study explores the principal characteristics of China's soft power in the APR, conducts a comparative analysis of the distinctive features of Chinese and Russian soft power, and identifies both challenges and prospects for bilateral cooperation in this sphere. Despite differing approaches by Russia and China in implementing soft power, their interaction creates a unique model of complementarity. This cooperation opens significant prospects for jointly shaping a new paradigm of regional governance, enhancing coordination within multilateral frameworks, and implementing humanitarian projects, ultimately contributing to a transformation of the APR's geopolitical landscape.